

Стал ли Л.Н. Толстой Дон Кихотом? Или: полувековой спор гениев

© Оболенская Ю.Л., 2023

Юлия Леонардовна Оболенская, д-р филол. наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующая кафедрой иберо-романского языкознания МГУ, руководитель Центра иберо-романских исследований.

119991, Россия, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, 1, стр. 51

E-mail: obolens7@yandex.ru

Аннотация. Тема интерпретации двух «Дон Кихотов» — бессмертного творения М. де Сервантеса Сааведры и знаменитой статьи И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» — занимала Л.Н. Толстого на протяжении более 50 лет. На основе дневниковых записей и писем Толстого, воспоминаний его современников впервые реконструируются мотивы противоречивых оценок творчества Сервантеса и его творения, что позволяет глубже понять как характер самого Л.Н. Толстого, так и его эстетические и идейно-нравственные приоритеты в разные периоды жизни. Детальный анализ диалога-полемики писателя с двумя знаменитыми авторами и с самими текстами вписывается в широкий контекст духовной жизни России второй половины XIX в. Большое значение в жизни молодого Толстого имел эпизод встречи с другим гением русской литературы И.С. Тургеневым во время так называемого «дижонского уединения» двух писателей в 1857 г.,

когда Тургенев, доказывая высокое общественное значение идеалов донкихотства для новой эпохи, предпринял попытку духовного наставничества: сделать из молодого писателя гамлетовского типа деятеля самоотверженного типа Дон Кихота.

Название романа «Дон Кихот», имена Сервантеса и его героев встречаются в дневниках, статьях и письмах Л.Н. Толстого около 20 раз. Роман до конца жизни словно «испытывает» его: восприятие современниками героя Сервантеса как своего рода мессии, способного спасти человечество, вступает в противоречие с толстовским пониманием служения добру. Работа над важнейшим для него трактатом-манифестом «Что такое искусство?», Толстой несколько раз меняет оценки «Дон Кихота». То упоминает среди любимых поэтов, композиторов и живописцев единственный роман — «Дон Кихот», то говорит о бедности его содержания. А в 1905 г. Толстой окончательно убеждается в важности идеи самопожертвования ради высоких идеалов и в воспитательном значении романа и признается, что все его сыновья — «Дон Кихоты». Более чем полувековой диалог Толстого с Сервантесом и его героями неизменно продолжался в его сознании, и наиболее ярко странствующий рыцарь отразился в одном из самых автобиографичных и близких Толстому персонажей — Левине из «Анны Карениной». Трагически переключаются как обстоятельства исхода Л.Н. Толстого из яснополянской усадьбы и последнего странствия Рыцаря печального образа, так и обстоятельства их кончины.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Дон Кихот», М. де Сервантес Сааведра, И.С. Тургенев, «Гамлет и Дон Кихот», диалог, интерпретация, полемика, оценки

Для цитирования: Оболенская Ю.Л. (2023) Стал ли Л.Н. Толстой Дон Кихотом? Или: полувековой спор гениев. *Ибероамериканские тетради*. № 3. С. 18–31. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-18-31

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 3. P. 18–31
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-18-31

UDC 94:327+801.731

Recibido 11.08.2023.
Revisado 01.09.2023.
Aceptado 05.09.2023.

¿León Tolstói llegó a hacerse Don Quijote? Medio siglo de disputa entre dos genios

© Obolenskaya Yu.L., 2023

Yulia L. Obolenskaya, doctora en Ciencias filológicas, profesora emérita de la Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, jefa del Departamento de Lingüística Iberorrománica de la Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, directora del Centro de estudios Iberorrománicos. 119991, Rusia, Moscú, GSP-1, calle Leninskie Gory, 1-51
E-mail: obolens7@yandex.ru

Resumen. La interpretación por León Tolstói de los dos «Quijotes» — la gran obra de M. de Cervantes Saavedra y el famoso artículo de Iván Turguénev «Hamlet y Don Quijote» — se examina en este artículo. Sobre la base de los diarios y las cartas de L. Tolstói, las memorias de sus contemporáneos por primera vez se reconstruyen los motivos de las evaluaciones contradictorias de la obra inmortal de Cervantes hechas por Tolstói durante más de 50 años de su vida. Estas evaluaciones nos facilitan una comprensión más profunda tanto del carácter del gran escritor ruso como de sus prioridades estéticas, ideológicas y morales en diferentes períodos. Un análisis detallado del diálogo polémico de Tolstói con estos dos genios y sus textos permite comprender el contexto de la vida espiritual de Rusia en la segunda mitad del siglo XIX. Se considera la importancia de un episodio relevante de la vida del joven Tolstói: la llamada «soledad de Dijon», encuentro de los dos escritores en 1857, cuando Turguénev, comprobando la alta importancia social de los ideales de quijotismo para la nueva era, intentó ejercer una tutela espiritual y convertir al joven escritor de tipo Hamlet (L. Tolstói) en una figura parecida al abnegado Don Quijote.

El título de la novela «Don Quijote», los nombres de Cervantes y de sus personajes aparecen en los diarios, artículos y cartas de Tolstói unas 20 veces. La novela hasta el final de su vida como si lo «experimentara»: la percepción de Don Quijote por sus contemporáneos como un nuevo Mesías capaz de salvar a la humanidad, entraba en conflicto con la comprensión de Tolstói del servicio al Bien. Por eso, trabajando en el tratado más importante para él, el manifiesto «¿Qué es el arte?» Tolstói cambia varias veces sus estimaciones de «Don Quijote». Primero menciona entre sus poetas, compositores y pintores favoritos la única novela, «Don Quijote», luego indica la pobreza de su contenido. En 1905, Tolstói finalmente se convence de la importancia de la idea del sacrificio por los altos ideales y del significado educativo de la novela, e incluso declara que todos sus hijos son «Don Quijotes». Durante más de medio siglo, el diálogo de Tolstói con Cervantes y sus héroes ocupó su mente, y el caballero andante se reflejará brillantemente

en uno de los personajes más autobiográficos y cercanos a Tolstói: Levin de «Anna Karénina». Trágicamente se hacen eco las circunstancias del éxodo de León Tolstói de su mansión de Yásnaya Poliana y el último viaje del caballero de la triste figura, así como las circunstancias de su muerte.

Palabras clave: L.N. Tolstói, «Don Quijote», M. de Cervantes Saavedra, Iván Turguénev, «Hamlet y Don Quijote», diálogo, interpretación, controversia, evaluación

Para citar: Obolenskaya Yu.L. (2023) ¿León Tolstói llegó a hacerse Don Quijote? Medio siglo de disputa entre dos genios, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 18–31. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-18-31

Declaração de divulgação: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2023. 3. P. 18–31
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-18-31

UDC 94:327+801.731

Received 11.08.2023.
Revised 01.09.2023.
Accepted 05.09.2023.

Did Leo Tolstoy Become Don Quixote? Half a Century of Dispute Between Two Geniuses

© Obolenskaya Yu.L., 2023

Yulia L. Obolenskaya, Doctor of Philology, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Iberian Romance Linguistics of Lomonosov Moscow State University, Head of the Center for Ibero-Romance Studies.
119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory street, 1-51
E-mail: obolens7@yandex.ru

Abstract. This article for the first time examines Leo Tolstoy's interpretation of two «Don Quixotes»: the greatest creation of M. de Cervantes Saavedra and the famous article by Ivan Turgenyev «Hamlet and Don Quixote». On the basis of L. Tolstoy's diaries and letters, the memoirs of his contemporaries, the article analyzes the motives of Tolstoy's contradictory assessments of Cervantes' work and his immortal creation. These assessments offer a deeper understanding of both the character of L. Tolstoy and his aesthetic, ideological and moral priorities in different periods of his life. A detailed analysis of the writer's dialogue-polemic with these two authors and with the texts themselves fits into the broad context of Russia's spiritual life in the second half of the 19th century. L. Tolstoy had an important episode in his youth that became crucial for his work: the spiritual mentoring of another genius of Russian literature, Ivan Turgenyev, during the meeting of two writers in 1857, the so-called «Dijon solitude», when Turgenyev, proving the high social significance of the ideals of quixotism for the new era, attempted to turn a young Hamlet-type writer (L. Tolstoy) into a selfless Don Quixote type.

The title of the novel «Don Quixote», as well the names of Cervantes and his characters are mentioned in Tolstoy's diaries, articles and letters about 20 times. The novel seems to «test» him until the end of his life: the high assessments of his contemporaries, their perception of Don Quixote as a new Messiah capable of saving humanity, contradict Tolstoy's understanding of serving good, therefore working on the most important treatise for him, which is the manifesto «What is art?», Tolstoy changes the estimates of «Don Quixote» several times. Firstly, he mentions among his favorite poets, composers and painters the only novel — «Don Quixote», then he indicates its «poor contents». In 1905, Tolstoy finally became convinced of the importance of the idea of self-sacrifice for the sake of high ideals and of the educational significance of the novel, and besides, he admitted that all his sons were «Don Quixotes». More than half a century of Tolstoy's dialogue with Cervantes and his heroes invariably continued in his mind, and the knight errant will be most vividly reflected in one of the most autobiographical and close to Tolstoy characters — Levin from «Anna Karenina». The circumstances of Leo Tolstoy's farewell to the Yasnaya Polyana estate and the last journey of the knight of the sad image, as well as the circumstances of their demise, tragically echo.

Key words: Leo Tolstoy, «Don Quixote», M. de Cervantes Saavedra, Ivan Turgenev, «Hamlet and Don Quixote», dialogue, interpretation, polemics, assessments

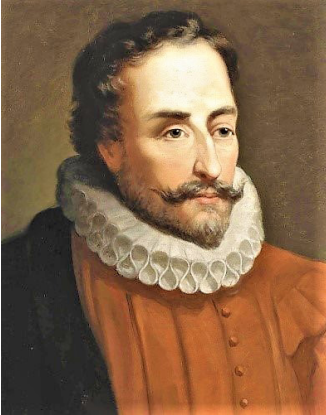
For citation: Obolenskaya Yu.L. (2023) Did Leo Tolstoy Become Don Quixote? Half a Century of Dispute Between Two Geniuses. *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 18–31. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-18-31

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В статье речь пойдет о теме, неизвестной в Старом и Новом свете. Она пока не разрабатывалась и в России, поскольку слишком противоречивым кажется отношение Л.Н. Толстого к двум «Дон Кихотам» — бессмертному творению М. де Сервантеса Сааведры и знаменитой статье И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (1860). В связи с этим попытаемся реконструировать 50 лет диалога-полемики писателя как с их авторами, так и с самими текстами и представить результаты *освоения* образа Дон Кихота Львом Толстым, отраженные в его произведениях, размышлениях и даже в его трагическом исходе. Также необходимо *услышать голос* самого Л.Н. Толстого в его дневниковых записях, черновиках статей и письмах друзьям, чтобы понять долгий и очень сложный путь к восприятию и оценке содержания творения испанского гения, к слову сказать, довольно сильно искаженного в несовершенных европейских и русских переводах XIX в.

Известные суждения Л.Н. Толстого о творчестве признанных его современниками гениях мировой литературы кажутся парадоксальными только на первый взгляд. Но если о причинах неприятия им творчества Шекспира написано довольно много работ, то мотивы противоречивых оценок Толстым творчества Сервантеса и его столь модного в России второй половины XIX в. романа «Дон Кихот» пока не привлекли внимания исследователей. В то же время эти оценки позволяют глубже понять как характер самого

писателя, так и его эстетические и идейно-нравственные приоритеты в разные периоды жизни. Помимо этого, заслуживают особого рассмотрения и комментария обстоятельства знакомства Толстого со знаменитой статьей И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»

М. де Сервантес Сааведра.
1547–1616

Судьба самого часто издаваемого в мире испанского произведения — романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» («El ingenioso hidalgo don Quijote de la Mancha», 1-я часть вышла в 1605 г., 2-я — в 1615 г.) в России оказалась необычайно счастливой¹. Уже в XIX в.

Л.Н. Толстой. 1828–1910

этот роман оценивался читателями и критикой как вершина мировой литературы, а его влияние на развитие русской литературы, и в частности на творчество Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и многих других русских писателей, трудно переоценить. Кроме того, славу «испанского Боккаччо» принесли Сервантесу «Назидательные новеллы» («Novelas ejemplares», 1613). Сервантес также знаменит как драматург, непревзойдённый мастер созданного им жанра интермедий, в России блестяще переведённых А.Н. Островским и опубликованных в 1880-х гг.

Следует подчеркнуть, что в 60–80-е гг. XIX в. интерес к Сервантесу в России был чрезвычайно велик: уже в те годы Сервантес — общепризнанный гений. Образ Дон Кихота как пророка социального переустройства мира вдохновляет литераторов и читателей на поиски новых духовных ориентиров. «Дон Кихот» благодаря оценкам В.Г. Белинского, И.С. Тургенева², Ф.М. Достоевского³, А.Н. Островского⁴, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова и других ав-

¹ Подробнее о восприятии и переводах романа в России: см. Багно В.Е. (1988) *Дорогами Дон Кихота*, Москва, Книга, 448 с. — Прим. авт.

² Помимо статьи, о которой идет речь, в планы Тургенева входил и перевод всего романа Сервантеса, о чем он неоднократно писал в письмах друзьям. — Прим. авт.

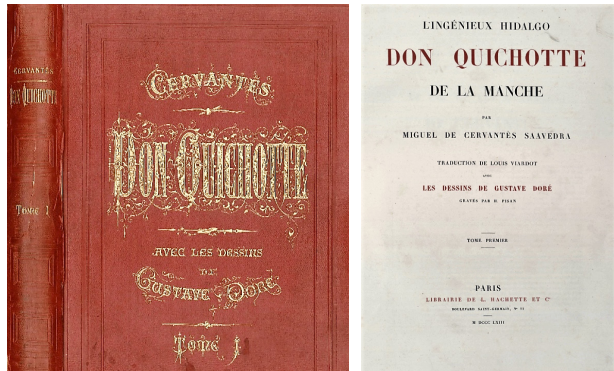
³ Отметим, что в самой Испании трактовка странствующего рыцаря как символа самоотверженного служения высоким идеалам, а не свихнувшегося из-за чтения рыцарских романов чудака распространилась только в XX в. и во многом благодаря русской литературе, главным образом, знакомству с творчеством Ф.М. Достоевского. Дон Кихот *отраженным светом* пришел в Испанию вместе с героем «Идиота», князем Мышкиным. Подробнее об этом см.: Оболенская Ю.Л. (2021) *Художественный перевод и межкультурная коммуникация*, Москва, URSS, 264 с. — Прим. авт.

⁴ В планы Островского входил перевод отдельных глав «Дон Кихота». Об этом, в частности, пишет в своих воспоминаниях Н.Н. Луженовский: «...Его мечтой было перевести еще некоторые главы Дон Кихота с народными сценами и поговорками» (журнал «Русский вестник», 1887, 25 апр. № 11), поскольку именно эти главы были сокращениями или изменены в русских и французских переводах того времени. Островский несколько раз перечитывал роман «Дон Кихот», но особенно часто он упоминает образ «Рыцаря печального образа» в последние годы жизни, работая над переводами интермедий Сервантеса. — Прим. авт.

торитетных деятелей культуры того времени расценивается современниками как очень актуальное произведение. Русский публицист-революционер А.И. Герцен пишет в письме № 13 от 1 июня 1851 г. о наших *Дон Кихотах*, рассуждая в письмах о типе *Дон Кихотов революции*, целью которых было «уничтожение тиранства, водворение всеобщего братства, всемирной свободы», однако отсутствие должной подготовки обрекло их на поражение. Опыт XIX в. заключают очень по-русски оптимистичные слова драматурга и переводчика «Интермедий» Сервантеса А.Н. Островского: «Поборники правды, чести, любви, возвышенных надежд еще не сошли со сцены, — рыцарь еще не побежден окончательно, он еще будет бороться с неправдой и злом»⁵. А русский писатель, поэт и литературный критик Д.С. Мережковский на излете XIX в. уловил доминанту последовавших интерпретаций образа и пишет в статье «Сервантес» (1897): «Исчерпать его содержание невозможно, потому что он еще не закончен, он еще развивается вместе с нами, и уловить его нельзя, как собственную тень. В этом гениальном образе таится зародыш единственно возможного на земле бессмертия — бессмертия великой идеи».

Разделял ли эти оценки Л.Н. Толстой, который на протяжении всей своей жизни искренне пытался понять, что привлекает русских читателей и его самого в романе испанского писателя эпохи Возрождения, а что — нет?

Творчество Сервантеса Толстому, вероятно, было знакомо лишь по роману «Дон Кихот»⁶: в яснополянской библиотеке сохранилось только это сочинение испанского писателя, замечаний Толстого о других произведениях Сервантеса пока не обнаружено. Яснополянский экземпляр «Дон Кихота» — это французский перевод (Париж, 1875 г.), выполненный мужем знаменитой певицы Полины Виардо — известным французским писателем-испанофилом Луи Виардо, и этот перевод нельзя считать ни полным, ни верным оригиналу, однако он заслужил похвалы Достоевского, Белинского, Тургенева. Подчеркнем, что заметки о романе были сделаны Толстым

Французский перевод «Дон Кихота». 1863.
Пер. с испанского Л. Виардо, иллюстрации Г. Доре

⁵ Островский А.Н. Собрание сочинений. Т. 10, Москва. Искусство. 1973. С. 544.

⁶ Возможно, он был знаком с «Интермедиями» Сервантеса в переводах А.Н. Островского, но никаких откликов Л.Н. Толстого на них в архивах не было обнаружено. — Прим. авт.

уже в 1857, 1866, 1870 гг., следовательно, он познакомился с «Дон Кихотом» много раньше появления этой книги в его библиотеке: впервые этот перевод издан во Франции в 1838 г. и был известен Толстому уже в начале 1850-х гг.

С «Дон Кихотом» связан удивительный и очень важный эпизод биографии не только Л.Н. Толстого, но и другого классика русской литературы — И.С. Тургенева, к творчеству, личности и художественному чутью которого Л.Н. Толстой всегда относился с большим уважением. Речь идет об их *дижонском уединении* — удивительном опыте духовного наставничества И.С. Тургенева, целью которого была попытка сделать из молодого писателя *гамлетовского типа* деятеля *самоотверженного типа Дон Кихота* — тогда эта попытка оказалась безуспешной. Несмотря на усилия Тургенева, *русский Дон Кихот* из Л. Толстого так и не вышел, но попытки понять привлекательность и общественную пользу донкихотства на русской почве Толстой принимал всю свою жизнь. Итак, во время своего путешествия по Европе весной 1857 г. Толстой прожил 5 дней в Дижоне, в комнате, где Тургенев заканчивал работу над своей знаменитой впоследствии статьей «Гамлет и Дон Кихот». В Дижон они приехали 9 марта 1857 г., а 10 марта Тургенев читает Толстому конспект статьи, которая будет опубликована в «Современнике» тремя годами позже — в январе 1860 г. Обсуждение конспекта вылилось в обсуждение творческих замыслов писателей, проблем, стоявших перед русскими писателями, литературой и, конечно, перед обществом в целом. Тургенев, с высоты своего писательского авторитета, пытался наставить молодого писателя, слишком занятого, на его взгляд, рефлексией по поводу своей собственной персоны, на путь подвижничества. Вот как пишет об этом выдающийся русский литературовед Б. Эйхенбаум: «Во время общения с Толстым Тургенев, увлеченный вопросом об исторической роли Гамлетов и Дон Кихотов, пытался “развить” в Толстом черты Дон-Кихота, “внушить” Толстому высокое общественное значение “донкихотства” для новой эпохи — “сделать” из него человека, способного противостоять революционной демократии не в качестве “скептика” <...>, а в качестве “стойка”, проповедника добра» [Эйхенбаум, 1987: 15]. Эту роль наставничества Тургенева Толстой высоко ценил: «Я его очень люблю. Он сделал и делает из меня другого человека», — напишет он о Тургеневе 27 марта 1857 г. Толстой сразу же понял эту статью как проповедь донкихотства, ни тогда, ни позже ему не близкого. Кроме того, он считал, что выделение двух этих типов людей противоречит «психологической правде», потому что в любом человеке заключено сразу несколько типов.

После смерти И.С. Тургенева, в ответ на письмо А.Н. Пыпина от 7 января 1884 г. с просьбой предоставить необходимые для написания биографии И.С. Тургенева письма из их переписки, Лев Толстой сразу же, 10 января 1884 г., пишет ему довольно подробное письмо, в котором дает оценку и Ивану Сергеевичу, и его творчеству, и интересующей нас статье.

«Я всегда любил его; но после его смерти только оценил его как следует. <...> Главное в нем — это его *правдивость* (курсив Л.Н. Толстого. — Ю.О.). <...> Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда *то самое* (курсив Л.Н. Толстого. — Ю.О.), то, что думает и чувствует. <...> И потому воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. <...> По-моему, в его жизни и в произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь — искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всем. И это выражено и трогательно, и прелестно в “Довольно”, и 3) не формулированная, как будто нарочно из боязни захватить ее (он сам говорит где-то, что сильно и действительно в нем только бессознательное), не формулированная, двигавшая им и в жизни, и в писаниях, вера в добро — любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в “Дон-Кихоте”, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от стыдливости перед ролью проповедника добра»⁷. Любопытно, что Толстой оставил без внимания ответ самого И.С. Тургенева, содержащийся в этой статье, на вопрос о том, что представляет собою Дон Кихот. — «Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину...»⁸

В этом письме А.Н. Пыпину, помимо суждений, ярко характеризующих личность самого Толстого, интересны и важны для нас сразу несколько положений, основанных на заявленном в нем главном критерии оценки творчества Тургенева — *правдивости* его произведений. Это и вытекающая из правдивости полезность воздействия произведений на русскую литературу, и «не формулированная» писателем вера в добро, и, наконец, освобождение этой веры «от стыдливости перед ролью проповедника добра, любви и самоотвержения» именно в статье «Гамлет и Дон Кихот».

Толстого и дальше не оставляет мысль о кихотизме и об этой статье, он размышляет о ней, и более 50 лет спустя в дневнике от 6 марта 1905 г. записал, возможно, вспоминая о том *дижонском уединении* в марте 1857 г.: «Тургенев написал хорошую вещь: “Гамлет и Дон Кихот” и в конце присоединил Горацио. А я думаю, что два главных характера — это Дон Кихот и Горацио, и Санчо Панса, и Душечка. Первые большей частью мужчины; вторые большей частью женщины. Сыновья мои все Дон Кихоты, но без самоотвержения, дочери — все Горацио с готовностью к самопожертвованию»⁹.

⁷ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 19. Москва. Художественная литература. 1984. С. 27–28.

⁸ В статье, а первоначально в лекции о Гамлете и Дон Кихоте, И.С. Тургенев, намекая на низкое качество имевшихся в то время переводов, замечает: «Хороший перевод Дон Кихота был бы истинной заслугой перед публикой, и всеобщая благодарность ждет того писателя, который передаст нам это единственное творение во всей его красоте». — *Прим. авт.* Тургенев И.С. Полное собрание сочинений 30 томах. Москва. Наука. 1980. С. 330–348.

⁹ Толстой Л.Н. Избранные дневники 1895–1910 гг. URL: <http://croquis.ru/922.html> (accessed: 25.08.2023).

Видимо, в этом и заключается окончательный вывод осмысления Толстым противоборства основных типажей-характеров в статье Тургенева: Гамлету вообще отказано в праве быть *главным характером*, но зато в новом времени стало возможно существование Дон Кихотов *без самопожертвования* — только преданные, подобно Горацио, «преимущественно женщины» способны на него.

Неясно, с какими именно из первых русских переводов «Дон Кихота» был знаком Толстой, а их в то время было несколько: К.П. Масальского, В.А. Карелина, В.А. Жуковского и еще несколько более ранних. Неизвестно также, какие из этих переводов он перечитывал, ссылаясь на перевод романа в своих письмах. Однако 19–21 января 1887 г. в письме В.Г. Черткову он сообщал о своём намерении «просить по всем писателям... кто что даст» для народного издания в «Посреднике» «иностранных писателей, которые выдержали много изданий и, главное, переводов...»¹⁰, причем среди имён Вольтера, Руссо, Свифта и других он упоминал и «Дон Кихота» Сервантеса. Это замечание: «...главное, переводов...» — очень важно, и значит, что Толстой понимал важность качества публикуемых для народного издания переводов.

Название романа «Дон Кихот» или имена Сервантеса и его героев встречаются в дневниках, статьях и письмах Толстого около 20 раз. В одном из вариантов трактата «Что такое искусство?» Толстой пишет о вещах, которые «понимает и любит», и упоминает среди любимых поэтов, композиторов и живописцев единственный (!) роман — «Дон Кихот».

Известно, что Толстой несколько раз перечитывал роман: так, в ноябре 1857 г. он читал его, работая над «Казачками», а 20 мая 1866 г., работая над «Войной и миром», писал А.А. Фету: «Вы читаете Аристофана. Я это очень понимаю и читаю хоть и свежее, но в том же роде — “Дон-Кихота”, Гёте и последнее время всего Victor Hugo»¹¹. То, что образ Дон Кихота в эти годы воспринимался русскими писателями и, по-видимому, самим Толстым как некий абсолютный образец литературного героя, становится ясно из письма поэта А.А. Фета Толстому 16 июня 1866 г., содержащего критические замечания по поводу прочитанного им варианта главы «Войны и мира» о князе Андрее: «Разве Гектор и Дон Кихот не поря-

Г. Доре. Дон Кихот за чтением рыцарских романов. 1863.

¹⁰ Толстой Л.Н. — Черткову В.Г., 19–21 января 1887 г. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-chertkovu-1887-1889/letter-3.htm> (accessed: 25.08.2023).

¹¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 18. Москва. Художественная литература. 1984. С. 650.

дочные люди? А между тем они нечто и другое, во имя чего они интересны. Тут-то есть в деле искусства своя порядочность. Гомер и Сервантес могли бы сделать главными героями и Тирсита, и Санчо Пансо, но не сделали бы той ошибки, в которую я впал в моих «Военных записках». Я вздумал группировать события рассказа около человека-нуля-героя. Это неисполнимо...»¹² Противопоставление образов Дон Кихота и *человека-нуля-героя* князя Андрея в этом письме не должно удивлять, потому что в последующие годы Толстой довольно часто обращался к образу Дон Кихота в связи с оценкой приоритетности «реалистического» или «психологического» в художественном образе.

На протяжении более 50 лет *качели* в восприятии сервантесовского романа продолжают, как и спор двух гениев: Л.Н. Толстой то высоко оценивал «внутреннее содержание» романа Сервантеса, относя его к «серьёзной» литературе, то критиковал роман за отсутствие содержания. Например, в записной книжке в 1870 г. он размышляет (достаточно сбивчиво и наивно, но ведь это записи явно для себя, попытка все-таки разобраться самому!) о существовании двух «резко различных родов литературы: серьезного и несерьезного, или поэзии содержания и поэзии формы, или простого и не простого. В первом автор говорит своим языком, только настолько изменяя склад своей речи, насколько того требует предмет. Пушкин, Сервантес, Рабле и многие другие. Во втором автор говорит не своим языком, а каким-то особенным языком, который ему нравится или по своей возвышенности, или по комичности, или по оригинальности: Оды, Диккенс, Щедрин, Некрасов и мн. др.»¹³. Оказавшийся среди «серьезных» писателей рядом с Пушкиным, Сервантес соседствует с Рабле, что вполне понятно, поскольку на тот момент они оба, по мнению Толстого, соответствуют критериям *поэзии содержания* по простоте языка, а именно таковым предстает их язык в значительно сокращенных по законам «хорошего вкуса» переводах с французского языка (с него же выполнялись и первые переводы Сервантеса). Под понятием литературы второго рода — «поэзии формы» и «не своего», «особенного» языка, Толстой объединил и литературные стили (высокий и низкий), и индивидуально-авторские, а также жанры и даже скучные для него оригиналы или тяжеловесные переводы Диккенса. Толстому вообще было присуще стремление к постоянной *классификации* авторов и произведений, и, как мы убедимся в дальнейшем, «Дон Кихот» всякий раз оказывается в разных *списках* авторов, соседствуя в них с Пушкиным, Гюго, Мольером, Дюма и даже «Сказками тысяча и одной ночи».

¹² Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1. Москва. Художественная литература. 1978. С. 380

¹³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 48. Москва. Художественная литература. 1952. С. 112.

Роман словно «испытывает» его: высокие оценки современников, восприятие ими героя как своего рода мессии, способного спасти человечество, вступают в противоречие с толстовским пониманием служения добру. Именно поэтому по мере работы над важнейшим для писателя трактатом-манифестом «Что такое искусство?» (1897 г.), кстати, очень популярном и в Испании, и в Латинской Америке, оценки Толстым «Дон Кихота» не раз уточнялись и изменялись. В одном из вариантов он относил «Дон Кихота» к «произведениям, передающим самые высокие чувства, до которых дожили люди известного времени, но доступные только малому количеству людей». В следующем варианте Толстой прояснил свою мысль: «В новых же историях, хотя бы в Дон-Кихоте, Пиквике... содержание менее значительно. <...> Совершается ложный круг: чем исключительнее чувства, которые передаются, тем реальнее передаются условия, в которых проявлялось чувство, а чем реальнее передаются подробности, тем ещё менее доступным становится чувство». «Самые высокие чувства, доступные малому количеству людей...», воспетые в «Дон Кихоте», — это ответ и литературному критику и почитателю Дон Кихота В.Г. Белинскому, и Ф.М. Достоевскому, да и И.С. Тургеневу. В последующих вариантах Толстым было дано разъяснение, почему же эти высокие чувства недоступны большинству читателей: чувства и «психологизм» поступков главного героя, тонущие во множестве деталей и бытовых подробностей, — именно это мешает Толстому поверить в реалистичность / правдивость персонажа и раздражает его, в то время как именно эти экзотические, *испанские* детали так привлекали переводчиков тех лет, стремящихся в первую очередь передать комическое начало и национальный колорит жизнеописания *гидадьго*, причем часто в ущерб философской составляющей романа.

Полемика Толстого с писателями-современниками по поводу общечеловеческой ценности «Дон Кихота» достигла кульминации в следующей редакции трактата: «Если и есть такие превосходные произведения по внутреннему содержанию, как “Дон-Кихот”, комедии Мольера, <...> “Пиквикский клуб” <...> или повести Гоголя, Пушкина, то все эти вещи не удовлетворяют требованиям этого рода по исключительности передаваемых чувств, совершенно недоступных большинству людей». Далее Толстой противоречит сам себе, указывая как на «образцы другого отдела хорошего искусства, передающего простые чувства, но доступные всем людям <...> народные сказки, <...> на Дон-Кихота, эпос, бóльшую часть “Тысячи и одной ночи”, отчасти на романы Дюма-отца»¹⁴.

¹⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 30. Москва. Художественная литература. 1951. С. 415.

Неопределенность отношения Толстого к «Дон Кихоту» проявилась в черновых вариантах трактата со всей очевидностью: с одной стороны, на это указывает литературное окружение, в котором оказывается «Дон Кихот», — это Пушкин, Гюго, Диккенс, А. Дюма и даже сказки «Тысячи и одной ночи», а с другой — невозможность определить критерии ценности произведения, подобного «Дон Кихоту». Эта неопределенность отразилась на том, что в результате Лев Николаевич оставил по-толстовски противоречивое рассуждение о романе Сервантеса в трактате «Что такое искусство?». «Дон Кихот» нравится Толстому, но чувства его персонажей могут быть непонятны простому читателю, далекому от экзотической среды, в которой герои Сервантеса действуют, любят и страдают. Акцентирование исключительности образа Дон Кихота — своего рода мучительная для писателя попытка противостоять укоренявшемуся в России кихотизму, силе, не поддающейся толстовской схеме «полезного» для народных умов произведения. Вот уж действительно борьба разума и чувства в сознании художника!

В окончательной редакции трактата «Что такое искусство?» мысль о причинах недоступности романа Сервантеса широкому читателю высказана следующим образом. Толстой полагает, что роман «Дон Кихот» наряду с сочинениями многих других авторов — «вещи и по исключительности передаваемых чувств, и по излишку специальных подробностей времени и места, и, *главное, по бедности содержания* (курсив мой. — Ю.О.), сравнительно с образцами всемирного древнего искусства, как, например, история Иосифа Прекрасного, большею частью доступны только людям своего народа и даже своего круга»¹⁵. Из этого Толстой заключает, что чувства Дон-Кихота, героев Мольера и «тем более Пиквика» «исключительны, не общечеловечны, и поэтому, чтобы сделать их заразительными, авторы обставили их обильными подробностями времени и места. Обилие же подробностей этих делает эти рассказы ещё более исключительными, малопонятными для всех людей, живущих вне той среды, которую описывает автор»¹⁶. Избыточная испанская «барочная» подробность всегда значимых деталей бытописания — важная черта, присущая стилю Сервантеса, но ложно истолкованная переводчиками как экзотическая или костюмбристская — она не могла не претить эстетическим принципам Толстого, у которого деталь должна была быть «говорящей», характеризующей персонаж. Но ведь и у Сервантеса все детали столь же говорящие, просто переводчики их не поняли и не передали их суть... Именно экзотичность описаний жития Дон Кихота в переводах и воздействовала на оценки Толстого, сблизив «Тысяча и одну ночь» и злоключения Дон Кихота, сегодня кажущиеся курьезом.

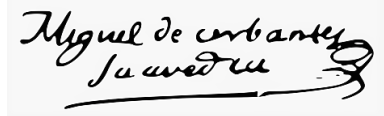
¹⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 30. Москва. Художественная литература. 1951. С. 161.

¹⁶ Там же. С. 161–162.

Впрочем, слова про «бедность содержания» романа Сервантеса, его доступность представителям определенной национальной культуры и даже определенного социального круга, *не общечеловечность*, непонятность его героев вне описываемой им среды — это уже *задиристая* реплика в другой полемике: Л.Н. Толстого с Ф.М. Достоевским, который в «Дневнике писателя» за 1876 г. предложил теперь уже широко известную квинтэссенцию русской интерпретации романа на все времена. «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: “Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?” — то человек мог бы молча подать Дон-Кихота: “Вот мое заключение о жизни и — можете ли вы за него осудить меня?”»¹⁷.

Автограф Л.Н. Толстого

Автограф М. де Сервантеса

Удивительно: два русских гения читают в одно время один и тот же текст (и, по-видимому, в тех же самых переводах) и приходят к прямо противоположным выводам! Однако десять лет спустя, в 1905 г., как видно из приведенной выше записи Толстого в дневнике, «Дон Кихот» стал уже настолько освоенной и важной частью русского и его собственного мира, что Толстой уподобляет Кихоту своих сыновей в кажущейся странной интерпретации образа рыцаря, говоря о том, что его «сыновья — Дон Кихоты, но без самоотвержения»!

Годом позже, в беседе с петербургским издателем Н.Е. Фельтеном о писателе С.Т. Семёнове, отмечая важность психологической точности в создании художественного образа, Толстой опять-таки ссылается на роман Сервантеса и замечает: «В “Дон-Кихоте” одна из лучших сцен — как осёл Санчо Панса издох, а Санчо над ним вопит. А в следующей главе Санчо на нём верхом едет — реалистически неверно, психологически верно»¹⁸. Этот эпизод Толстой привёл как образец столь высоко ценимой им психологической достоверности образа, и вместе с тем обращение к примеру из «Дон Кихота» говорит, во-первых, о прекрасном знании текста романа Сервантеса, ну и, главное, о том, что и в 1906 г. произведения русского сочинителя Л.Н. Толстой поверял опытом испанского классика.

Получается, что более чем полувековой диалог Толстого с Сервантесом и его героями неизменно продолжался в его сознании, без сомнения, обретая русские черты и черты самого Толстого. Ведь наиболее ярко странству-

¹⁷ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 22. Ленинград. Наука. 1981. С. 92.

¹⁸ Литературное наследство. Т. 90, кн. 2. У Толстого. 1904–1910. Яснополяские записки Д.П. Маковицкого. Москва. Наука. 1979. С. 80.

Одна из последних фотографий
Л.Н. Толстого

Г. Доре. Смерть Дон Кихота

ющий рыцарь отразится в одном из самых автобиографичных и близких Толстому персонажей — Левине из «Анны Карениной». Левин — это и есть окончательная толстовская интерпретация образа Дон Кихота, героя, надежного верой в добро, причем с самоотвержением.

Наконец, чтобы понять, стал ли Л.Н. Толстой Дон Кихотом, то есть приблизился ли он к идеальному типу самоотверженного деятеля, к чему призывал его в Дижоне И.С. Тургенев, следует вспомнить, каким удивительным и печальным образом перекликаются обстоятельства исхода Л.Н. Толстого из яснополянской усадьбы и последнего странствия Рыцаря печального образа и сами обстоятельства их кончины...

Список литературы / References

- Багно В.Е. (1988) *Дорогами Дон Кихота*, Москва, Книга, 448 с.
Bagno V.E. (1988) *Dorogami Don Kikhota* [By the ways of Don Quixote], Moscow, Kniga, 448 p. (In Russian)
- Оболенская Ю.Л. (2021) *Художественный перевод и межкультурная коммуникация*, Москва, URSS, 264 с.
Obolenskaya Yu.L. (2021) *Khudozhestvennyi perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Artistic translation and intercultural communication], Moscow, URSS, 264 p. (In Russian)
- Оболенская Ю.Л. (2009) Сервантес М. де, *Лев Николаевич Толстой. Энциклопедия*, под ред. Н.И. Бурнашевой, Москва, Просвещение, с. 811.
Obolenskaya Yu.L. (2009) Servantes M. de [Cervantes M. de], in Burnasheva N.I. (ed.) *Lev Nikolaevich Tolstoy. Entsiklopediya* [Leo Tolstoy. Encyclopedia], Moscow, Prosveshchenie, p. 811. (In Russian)
- Эйхенбаум Б.М. (1987) *О литературе*, Москва, Советский писатель, 550 с.
Eikhnenbaum B.M. (1987) *O literature* [On literature], Moscow, Sovetskii pisatel', 550 p. (In Russian)